

Литературоведение

УДК 821

Т.В. Зверева

ИМПЕРСКИЙ МИФ: ОТ КЛАССИЦИЗМА К МОДЕРНИЗМУ

Цепь разорвёт звено
Наших державных пут.
Евгений Рейн

Я люблю тебя, Империя.
Я люблю тебя, Империя.
В. Степанцов

В исследовании рассмотрена трансформация имперского мифа в поэзии русского модернизма (Елена Шварц, Сергей Стратановский, Лев Лосев, Виктор Кривулин, Тимур Кибиров, Борис Херсонский, Елена Фанайлова и пр.). Обращение к данному мифу обусловлено стремлением современных поэтов обнажить скрытые механизмы русской истории и показать, что имперское сознание продолжает определять пути России. В статье рассматриваются составляющие имперского мифа, прослеживается связь постмодернизма с одической топикикой. В центре поэтического видения оказываются феномен пространства и феномен власти. Если тема государства в классицистской оде неизменно связывалась с разворачиванием космогонического мифа, то поэзия конца XX – начала XXI в. проецирует ее на эсхатологию. Трансцендентная сущность власти, утверждаемая одой, полностью преодолевается, ведущим оказывается телесный код. Вследствие этого на первый план выходят такие темы как Эрос и Танатос.

Ключевые слова: классицизм, модернизм, ода, государственный миф, империяльная формула, ирония.

Настоящая статья посвящена проблеме функционирования имперского мифа в условиях модернистской эпохи. Вряд ли сегодня можно учесть весь корпус современных поэтических текстов, обращенных к теме империи. Наиболее последовательно эта тема воплотилась в поэзии Иосифа Бродского. В своем исследовании мы остановимся на творчестве поэтов, предопределивших движение культуры рубежа XX – XXI вв. (Елена Шварц, Лев Лосев, Виктор Кривулин, Тимур Кибиров, Борис Херсонский, Елена Фанайлова и пр.). Очевидно, что актуализация данной темы напрямую связана не столько с эстетическими причинами, сколько с причинами внеэстетического порядка – прежде всего, политической ситуацией России (в 1990-ые годы общество переживает распад Советского Союза, но уже начиная с 2000-х гг. начинается период реставрации империи). Как следствие возрождается гражданский пафос литературы, поэты пытаются дать прямую оценку происходящему.

Во второй половине XX в. возникает любопытная тенденция – русская поэзия обращает свой взгляд к эпохе классицизма. Столь частое для литературы обращение к архаическому XVIII веку обусловлено стремлением постичь глубинные механизмы российской истории. В эпоху становления государственности имперский миф был неразрывно связан с апофеозом пространственного величия. Ориентация на пространственную парадигму – характерная черта эпохи абсолютизма. По определению Г. Федотова, «империя – это экспансия за пределы длительно устойчивых границ, перерастание сложившегося, исторически оформленного организма» [16. С. 173]. Вследствие этого важнейшим одическим сюжетом является экстенсивное разворачивание пространства. Еще Л.В. Пумпянский вычленил «империяльную формулу», организующую структуру и семантику оды: формула «от – до» закрепляется за темой «необъятной России» и бесконечно варьируется [10. С. 163].

Подобные механизмы характеризуют не только XVIII век, но и всякие эпохи, ориентированные на власть над пространством. Разрушение СССР стало, прежде всего, травматическим опытом утраты территориальной целостности. Если кризис советской идеологии воспринимался обществом положительно, то геополитический распад государства переживался болезненно. В начале 1990-х гг. с поэтической арены уходит целая плеяда поэтов, для которых разрушение советской империи стало исторической катастрофой. Аппелляция к апокалипсической тематике – характерная черта творчества

Ю. Друниной, Т. Глушковой, Н. Тряпкина, Н. Егоровой, Ю. Кузнецова (поэтов, продолжающих есенинско-рубцовскую традицию осмысления России). Посттравматический опыт в подобных стихах как бы законсервирован и предназначен для бесконечного воспроизведения. Ностальгия по прошлому прослеживается даже у Геннадия Русакова – автора, чей взгляд отличается предельной резкостью и трезвостью. В стихотворении «Последней прелестью прекрасная страна...» метафизика пространства становится определяющей и полностью отделяется от исторических реалий. Бывшая советская империя предстает как идеальный топос:

Имперской нежностью мне стискивает грудь –
Я тоже по земле ходил державным шагом.
Ах, этот шёлковый, бухарский этот путь,
И ветер Юрмалы с напругом и оттягом!
<.....>
Прощай, империя. Я выучусь стареть.
Мне хватит кривизны московского ампира.
Но как же я любил твоих оркестров медь!
Как называл тебя: «Моя шестая мира!» [11]

(Заметим, что стихотворение не имеет никакого отношения к конкретно-историческому времени, к которому обращается Русаков в других своих текстах, подчас, как Иов, вопрошая Творца.)

Поэтический андеграунд также откликнулся на происходящие в обществе тектонические сдвиги. Одним из ярких стихотворений эпохи 1990-х является стихотворение Виктора Кривулина «Империя пала». Данный текст носит откровенно ролевой характер:

вот уж повеселимся
Империя пала
нынче только ленивый
не спешит к ней вприпрыжку

чтобы изловчиться
и как следует вмазать
носком сапога
в бок тяжкодышащий

благо на складах
армейской обуви прорва [7]

Распад советской империи для Кривулина – не приход свободы, а пробуждение темных инстинктов. Глумление над павшей Родиной свидетельствовало об очередном отказе от собственного прошлого. «Армейская обувь» – деталь, которая не только связывает настоящее и прошлое, но и выявляет принципиальную неразличимость имперской и постимперской эпох. Важно, что данный текст ассоциативно примыкает к первому сну Родиона Раскольникова (изображение разъяренной толпы, наблюдающей над расправой) и к стихотворению В. Маяковского «Хорошее отношение к лошадям». Проблематика Жреца/Жертвы – одна из важнейших для Кривулина. В стихотворении доминирует телесное начало, вытесняя собой то, что принято называет русской духовностью. Обращаясь к характеристике кривулинской поэзии, О. Седакова писала о преобладании в ней физиологических метафор – «чего-то предельно вещественного, нечленораздельного, чего-то такого, как месиво, хлюпанье, жвачка, такого, что трудно окончательно распознать, слуховое, вкусовое или осязательное это ощущение» [12. С. 690].

Вообще, тема империи занимает существенное место в творчестве поэта, при этом решается она крайне неоднозначно. Так, например, зеркальным по отношению к выше приведенному тексту является стихотворение «По старой орфографии». Особый синтаксис кривулинского стиха порождает крайнюю двусмысленность лирического сюжета. Парадоксальность авторского взгляда состоит в том, что офицеры-эмигранты, отстаивающие старую орфографию, отнюдь не являются хранителями ценностей Российской империи. Гонимые и гонители – две стороны одной медали: и те и другие вычерчивают на хоругве новые силуэты. Вследствие этого в финале стихотворения вместо ожидаемого авторского сочувствия возникает авторская ирония:

гонимы гражданскою сварой
они обращались къ Престолу
на орфографіи прежней
съ какой ихъ изгнали изъ дому
изъ царственной изъ бѣлоснѣжной
изъ невѣроятной постели [7]

Логика русской истории, по Кривулину, – логика отрицания прошлого, восходящая к пророческим словам П.Я. Чаадаева: «Мы живем одним настоящим в самых тесных его пределах, без прошедшего и будущего, среди мертвого застоя. <...> Мы так странно движемся во времени, что с каждым нашим шагом прошедший миг исчезает для нас безвозвратно» [18. С. 24-25]. Кривулин обнажает скрытые механизмы русской истории:

Как забытый ребенок и хищный подросток,
как теряющий разум старик,
ты построена, родина сна и господства,
и развитие твое по законам сиротства,
от страданья к насилию – миг
не длиннее, чем срок человеческой жизни... [7]

За год до своей смерти, в 2000 г., Кривулин напишет стихотворение «Прометей раскованный», где прочертит тупиковый путь путинской империи:

путь кремнистый путь во мрак из мрака
в далеко издалека [7]

Обратимся к одному из самых известных «имперских текстов» русской литературы XX века – «Заплачке консервативно настроенного лунатика» Елены Шварц. Чрезвычайно важен авторский выбор жанра. «Заплачка» связана с похоронным обрядом, ритуалом плача. Рыдание над расчленённым телом Родины – главная тема стихотворения. Развернутая в тексте метафора ‘разрезания’ / ‘расчленения’ противоположна по отношению к одической «империльной формуле», ориентированной на создание целостного пространства. (А.В. Марков связывает начало данного стихотворения с детской считалкой «Вышел ежик из тумана // Вынул ножик из кармана» [9]). В «Заплачке консервативно настроенного лунатика» фольклорное начало соединено с «ученой словесностью» русского классицизма. Вслед за «Стихами похвальными России» В. Тредиаковского Шварц воспекает империю, подключая весь арсенал традиционной одической топики:

Я ведь привыкла – чтобы на юге, в печах
Пели и в пятки мне дули узбек и казах
И чтобы справа валялся Сибири истрепанный мех,
Ридна Украйна, Камчатка – не упомянешь их всех.
Без Сахалина не жить, а рыдайте наигорчайше –
Это ведь кровное все, телесное наше! [19. С.84]

В «Заплачке» перечислены не только географические объекты, ставшие символическим воплощением «государства Российского» (Сибирь, Украина, Камчатка, Сахалин), но и Луна:

Я боюсь, что советская наша Луна
Отделиться захочет – другими увлечена,
И съедится вся потемневшая наша страна.
А ведь царь, наш отец, посылал за полками полки –
На Луну шли драгуны, летели уланы, крались стрелки,
И Луну притащили для нас на аркане,
На лунянках женились тогда россияне. [19. С. 84]

Подобная авторская стратегия заставляет вспомнить, прежде всего, ОБЕРИУ с его установкой на изображение абсурда. Безусловно, читатель имеет дело с формой «чужого сознания»: в тексте реконструирована реакция массового человека, оплакивающего развал империи. В свете финальных строк переосмысливается название стихотворения: «лунатик» – это и русский, женившийся на «лунян-

ке», и человек, совершающий действия в бессознательном состоянии. Авторская ирония связана с тем, что русский человек смутно представляет себе результаты собственных действий.

«Имперский гимн» Александра Вавилова принадлежит последующему времени – эпохе реставрации империи. Гимн стал развернутой пародией на стихотворение, прозвучавшее в культовой картине 1990-х «Брат-2»:

Я узнал, что у меня
Есть огромная семья:
И тропинка, и лесок,
В поле – каждый колосок!
Речка, небо голубое –
Это все мое, родное. [2]

В фильме Алексея Балабанова чтение этого стихотворения несло в себе явную пейоративную функцию: «Брат 2» зафиксировал состояние постапокалипсической действительности, откровенная ирония создателей возникла вследствие несовпадения текста, ориентированного на прославление Родины, и реальности, крайне далекой от изображаемого идеала. Вавилов обыгрывает текст, переводя его в другую смысловую плоскость и обнажая притязания современной власти на абсолютную власть над миром. Чрезвычайно важна для понимания данного текста семантика «детства». В «Имперском гимне» реконструирована непосредственность детского восприятия – радость от обладания «широкой страной». Как и в случае с Еленой Шварц, экстенсивное расширение пространства доведено до логического предела:

Севастополь и Судак,
США, Париж, Ирак...
И Оттаву, и Сидней
Вижу Родиной своей.
Те, кто много колесили,
Знают, что везде Россия.
Больше нет на свете стран!
Аргентина, Крит, Иран...
Копенгаген, Вена, Рим...
Наш ландшафт неповторим! [2]

Суть существования империи – в постоянном наращивании территории, подчиняющейся централизованной власти. Для того, чтобы *быть*, государство должно последовательно воплощать идею переустройства границ мира. В стихотворении Елены Фанайловой обозначена кризисная ситуация, связанная с тем, что власть более не способна удерживать завоеванные пространства. Вследствие этого притязания России выглядят абсурдными:

Уже давно с трудом понимается,
Зачем ей одна шестая часть суши.
Ну ладно, одна седьмая,
Без Прибалтики и Грузии,
Украины и Средней Азии,
Но остальной Кавказ не отдадим,
Зачем ей, к примеру, Сибирь... [15]

Впрочем, XXI век обнаруживает относительность такого понятия как «безграничный простор». В «Письмах n-скому другу» – тексту, которому предшествуют эпитафии из «Писем римского друга» И. Бродского и фрагмента интервью В. Путина, Иван Зеленцов говорит о современной империи как сжатом пространстве, где у человека нет возможности укрыться: «Все помнят: до лесов тайги рукой подать – что из Находки, что с Рублевки, поэтому царит такой покой, что хоть бери и вей из них веревки. Родившимся в империи где жить – без разницы, в столице ли, у моря...» [3]. Однако, осознавая безвыходность положения человека в насквозь просматриваемом государстве, в финале автор признается в любви к земле, за которую пролито так много крови: «И пусть она в развалинах лежит, ни счастья нет, ни веры, ни морали, на ней, наверно, вправду стоит жить, раз за нее так часто умирали...» [3].

Продолжая традицию Лермонтова, впервые заговорившего о «странностях» любви к Отчизне, Тимур Кибиров пишет:

Но настолько ты, тётка, громадна,
так ты, баба, раскинулась вширь,
так просторы твои неоглядны,
так нагледен родимый пустырь,
так вольготно меж трёх океанов
развалилась ты, матушка-пьянь,
что жалеть тебя глупо и странно,
а любить... да люблю я, отстань. [6]

Для выражения кризиса современности потребовалось обращение к одической топике. В «признании» зафиксированы такие составляющие имперского мифа как «громдность» и «пустота», при этом специфика российского пространства связывается с изначальной ущербностью феминного начала. Кибиров иронически обыгрывает одно из общих мест классицистской оды – отождествление государства и императора, разрастание тела монарха до границ мира. (Впоследствии эта тема подвергнется тщательной разработке в поэзии Бориса Херсонского:

Расширяются русские земли – императрица тогда
сама разрастается, тяжелеет, будто масса ее телес
пропорциональна размерам страны, и это в ее года!
Стране – территория, Кате – излишний вес.
Где-то за кадром Крым, степь юго-запада, флот,
Константинополь-то будет наш, на то и внук – Константин.
Россия проглотит Турцию, быстро, в один проглот.
А дальше все как обычно: бал, конфетти, серпантин. [17])

Как уже было отмечено выше, одна из значимых особенностей современной поэзии, – ее пристальное внимание к истории и культуре XVIII века. Так Сергей Стратановский обращается к одной из самых ярких фигур российской империи – Александру Васильевичу Суворову. Жанр «Суворова» обозначен как «двухчастная композиция». Жанровая номинация указывает на важнейшую тему текста – тему раздвоенности империи (главным символом этого двоения является двуглавый российский герб). Единственное, что обеспечивает единство империи – православная вера, под знаменем которой и осуществлялись победы Суворова:

И россы – воины христовы –
За веру жизнь отдать готовы.
В единоверии – сила нации.
Это принцип империи
и принцип администрации
<.....>
О, мощь империи,
политика барокко:
На иноверие косясь косматым оком,
Мятежникам крича:
назад, назад, не смей
И воинов крестя
в безумие и смерть [13].

Вслед за Г. Державиным («Снигирь») Стратановский создает портрет героя-воина, решившего исход русско-польского противостояния. Авторский взгляд на исторические события характеризуется той же болезненной двойственностью, которой пронизан весь текст (с образа гербового «больного орла» начинается стихотворение, далее эпитет «больной» становится ключевым). С одной стороны, задана имперская точка зрения с ее оправданием любых войн (с этим связана ориентация на державинскую стилистику); с другой стороны – взгляд автора спроецирован в далекое будущее, из которого былые победы рассматриваются как поражение, а сам Герой предстает в образе одного из всадников Апокалипсиса:

Он для грядущих поколений
Лишь сором будет, палачом,
Суровый воин, страшный гений,
На кляче с огненным мечом [13].

Интерес к эпохе абсолютизма характерен для творчества Елены Шварц. Империя в ее стихах – прошлое, но оно не отделено от настоящего абсолютной эпической дистанцией и легко восстановимо в своих правах. Не случайно в цикле «Забавы (Осьмнадцатый век)», включающем в себя три стихотворения («Званный обед», «Будни» и «Масон»), используется настоящее время, которое выступает как форма непреходящего вечного времени. Само название цикла восходит к строкам пушкинского «Вельможи»: «И мрачным ужасом смененные забавы». Как известно, век Просвещения направлен на преодоление исходного мрака, взор одописца погружался в созерцание абсолютного света (первостепенна в оде соллярная семантика). Напротив, взгляд Елены Шварц прикован к «тьме» – тому, что расположено за светящимися одическими декорациями. Вследствие этого XVIII столетие предстает в своих грубых, часто телесных, формах.

Множество шварцовских стихотворений обращено к предсмертным дням тех, чья жизнь неотделима от жизни империи. В «Старости княгини Дашковой» возникает тема страшной игры со смертью. Данная тема развернута в двойной экспозиции: автор апеллирует к реальным историческим фактам (предсмертные игры Дашковой с крысами), в то же время дрессирующая крыс княгиня оказывается игрушкой в руках рока.

Дует шут в свою свистульку,
Доживи до той поры,
Когда ты свяжешь гроб и люльку
Причудливостью злой игры. [19. С. 178]

Ночные игры Екатерины II – центральная тема «Ночного боя». Оппозиция живое/мертвое здесь почти стерта, восставшая из мертвых престарелая императрица играет в оловянных солдатиков:

Старуха в дудку загудит,
Растрепанная и нагая,
Она из пушечки палит,
В углы стола перебегая,
Летит горошинка сухая,
Свистит.

Царица я еще Пальмиры
В моих руках полморя, мира...
Но тут ядро ей плавит мозг. [19. С. 124-125]

Так выявляется игровое начало русской истории. (В скобках заметим, что новая петровская империя была придумана во время игры в потешное войско. Пришедшей власти была присуща особая игровая стихия. Правление нового монарха началось с маскарадного переодевания – Петр путешествовал по Европе под вымышленным именем урядника Преображенского полка Петра Михайлова. А на закате петровского правления в 1723 году в Петербурге была организована небывалая игра: всем высокопоставленным вельможам было приказано не снимать карнавальных костюмов в течение месяца. Именно тогда в России игра слилась с жизнью: в присутственных местах высокие чиновники сидели в масках. Небывалая дерзость Петра заключалась в обнажении самого механизма власти, которая вынуждена репрезентировать себя через бесконечную смену масок. Эта «кукольная» природа всякой власти есть ее глубочайшая и сокровенная тайна).

Кукольность власти – сквозная тема поэтического цикла Бориса Херсонского «Вырванные листы из переписки императрицы Екатерины с философом Вольтером, а также иные исторические стихотворения»:

Но Петя думает: лунные люди – это наверняка
ожившие наши игрушки, наши любимые, те,

что послушны, не плачут из-за каждого пустяка,
маршируют рядами, подчиняясь любой мечте. [17]

Стоит, топчет ножкой, просит: "Кать, а Кать,
пошли оловянного солдатика искать!

Как душили меня, так во время смертных мук
выпал тот солдатик у меня из рук.

Красивый солдатик, в треуголке, в парике,
косичка сзади, сабелька в руке. [17]

Если тема императорской власти в классицистской оде была неизменно связана с разворачиванием космогонического мифа, то поэты второй половины XX в. проецируют ее исключительно на эсхатологию. Мистический ужас возникает вследствие сращения Власти со смертью и хаосом. В стихотворении Шварц «В отставке» представлен один из фаворитов Екатерины II – А.М. Дмитриев-Мамонов. Герой вспоминает прошлое, не отпускающее его ни на мгновение. Память в деталях воспроизводит былую любовь. Характерна осуществленная автором трансформация солярного мифа. Традиционная лексика, соотносящаяся с Императором/Солнцем, выступает в ином смысловом регистре («золотом ее струится пот», «зрачок сиял»). Объятия же императрицы отождествляются с объявлениями смерти («безглазая ночь» восходит к образу «безглазой смерти», а «медленная тина» указывает на «прорву», с ее семантикой погружения/поглощения/гибели).

и вопиет, что любит он одну,
кричит он в ночь безглазую, тоскуя,
ту старую, ту мертвую такую,
и юного себя, и царственный живот,
и золотом ее струился пот,
ее объятий медленную тину. [19. С. 40]

Познавший сладость Эроса и Танатоса не в силах обратить свой взгляд к жизни; «отставка», данная императрицей, оказывается невозможной, ибо Власть обладает силой неизменного притяжения. Шварц визуализирует опыт телесного постижения империи: человеческое тело уподоблено государственному универсуму, обладание монархиней отождествлено с владением географической картой:

Зрачок сиял, тяжелый, как держава,
И в униженьи оживала слава,
И, как страна, она внизу лежала,
Ее уж не скрывало одеяло,
Завивы вены, как изгиб реки,
Как рыбой полный серебристый Дон,
Урал пересекал ее ладонь... [19. С. 40]

Текст балансирует на неуловимой грани, разделяющей символическое тело императора и символическое тело государства. Таким образом, в поэтической системе Елены Шварц полностью преодолена характерная для оды трансцендентная сущность власти и определен ее телесный код. (В скобках укажем на известную концепцию Э. Канторовича: «У короля есть два тела, тело естественное и тело политическое. Его естественное тело, заключенное в нем самом, есть тело смертное, подверженное всем недугам <...> Но его политическое тело, которое нельзя увидеть или потрогать, существует для наставления народа и для осуществления общественного блага» [5. С. 22]. Превосходство символического тела над естественным определяет сущность средневековой политической теологии. Продолжая размышления философа, можно утверждать, что кризис любой власти связан с кардинальным изменением исходного соотношения: как только естественное тело оказывается в зоне видения, обнаруживается смертная природа императора).

Феномен Телесности и Власти стал объектом поэтической рефлексии Бориса Херсонского. Если в стихотворениях Елены Шварц смертное тело императрицы – объект соблазна, то в «Вырванных листах» Екатерина способна вызвать лишь физиологическое отвращение:

Не сказать, что Катя уродлива. Скорее – крупна и полна.
Лицо краснеет – приливы избыточной крови. Опять же, дама в летах.
Но отвращение к горлу любовника подкатывает, как волна,
и Ея Величество чувствует – что-то опять не так! [17]

(Близкое решение можно обнаружить в стихотворении Инны Кабыш «Екатерина Вторая», где Российская империя уподоблена мужчине, которого женщина выпускает в себя. Только так обеспечивается абсолютное тождество Державы и Вседержателя:

Та, что не знала другого отечества,
кроме чужого, его
внутри, как мужчину, впустив,
молодечество
ставя превыше всего. [4. С. 22])

Таким образом, одним из сюжетов современной поэзии стал сюжет развенчания символического тела монарха.

Реквиемом по империи можно считать стихотворение Льва Лосева «Восемнадцатый век»:

Восемнадцатый век, что свинья в парике.
Проплывает бардак золотой по реке,
а в атласной каюте Фелица
захотела пошевелиться.
Офицер, приглашенный для ловли блохи,
вдруг почуял, что силу теряют духи,
заглушавшие запахи тела,
завозилась мать, запыхтела. [8. С. 119]

Прежде всего, обращает на себя внимание развертывание одной из важнейших метафор – реки/времени. Начиная с Г.Р. Державина («Река времен в своем стремленье...») и А.Н. Радищева («Осьмнадцатое столетие»), с рекой связана не только тема времени, но и тема уходящего столетия. Именно поэтому привычная карета заменена в тексте на «атласную каюту», в которой может осуществляться движение только в одном из направлении – к смерти/забвению. Для понимания данного текста важна диалектика видимого/невидимого. Лосев хорошо ощущает иллюзионистскую сущность классицизма, его взгляд пытается проникнуть за пределы видимых форм, культивируемых официальной культурой. Гибель галантного столетия происходит в момент обнаружения его декоративности: «духи» не уничтожают более «запахов тела», как «золото» и «атлас» не заслоняют «волглых изб». Финал стихотворения – встреча с реальностью жизни и реальностью стиха:

Видны волглые избы, часовня, паром.
Все сработано грубо, простым топором.
Накорябан в тетради гусиным пером
стих занозистый, душу скребущий [8. С. 119]

Итак, современная поэзия обнажает механизмы имперского мифа и реконструирует его. Вместе с тем Власть всегда связана с тайной, с тем, что скрыто из глаза (как писала Татьяна Толстая: «А где тайна – там и служба государева» [14. С.124]). Именно этим обусловлена мистическая притягательность власти и сама возможность ее существования. Показательно, что в одном из стихотворений Дмитрия Быкова в руках российского президента находятся «телескоп» и «калейдоскоп»:

Чудодей, халдей, он глядит во тьму,
Загустевшую, как повидло,
И того, что видно сейчас ему,
Ниоткуда больше не видно. [1]

Взор императора, преображающий тьму в свет, – один из устойчивых мотивов классицистской оды. Но в быковском тексте даже через волшебные оптические приборы, находящиеся в руках Власти, невозможно разглядеть будущего. Страшная тайна грядущего доступна только «чудодею», которому и атрибутирована особая пространственная точка зрения.

Обращаясь к теме империи, русская литература отнюдь не реконструирует прошлое, а всегда говорит об актуальном настоящем. На протяжении более чем трех столетий российская империя обнаруживает свою поразительную жизнеспособность. Несмотря на то, что в последние десятилетия произошло развенчание «имперского мифа», он продолжает определять массовое сознание. И это указывает на то, что общество вступило в новую эпоху, в которой установился принципиально иной уровень соотношения Власти и Литературы – их параллельное и независимое друг от друга существование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Быков Д. Побег в идеальные области // Дружба народов. 2011. № 8. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2011/8/by3.html>
2. Вавилов А. Стихи. URL: <http://www.stihi.ru/avtor/babilon1tutby>
3. Зеленцов И. Стихи. URL: <http://modernpoetry.ru/contemporary/ivan-zelencov-stihi>
4. Кабыш И. Мама мыла раму. М.: Время, 2013. 208 с.
5. Канторович Э. Два тела короля: Исследования по средневековой политической теологии. М.: Изд-во ин-та Гайдара, 2014. 744 с.
6. Кибиров Т. Нищая нежность. Знамя. 2000. № 10. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2000/10/kibir.html>
7. Кривулин В. Стихи юбилейного года. М.: ОГИ, 2001. 80 с. <http://www.vavilon.ru/texts/krivulin4.html>
8. Лосев Л. Стихотворения из четырех книг. СПб.: Пушкинский фонд, 1999. 184 с.
9. Марков А.В. Ностальгия как постколониальность: контексты стихотворения «Заплатка консервативно настроенного лунатика» Елены Шварц // Тез. Докл. на VIII Междунар. конф. «Советский дискурс в современной культуре: постколониальный аспект проблемы» (РГГУ, Москва, 28 мая 2016 г.) URL: <https://syg.ma/@alieksandr-markov/nostalghia-kak-postkolonialnost-kontiektsty-stikhotvoriennia-zaplachka-konservativno-nastroiennogho-lunatika-ieleny-shvarts>
10. Пумпянский Л.В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. М.: Языки русской культуры, 2000. 864 с.
11. Русаков Г. Стихи. URL: http://rusakov.poet-premium.ru/stihi_rsb.html
12. Седакова О. Проза. М.: Эн Эф Кью / Ту Принт, 2001. 960 с.
13. Стратановский С. Стихи. СПб.: Ассоциация «Новая литература», 1993. 128 с. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/stratanovsky1-5.html>
14. Толстая Т. Кысь. М.: Изд-во АСТ, 2017. 352 с.
15. Фанайлова Е. Балтийский дневник. Знамя. 2008. № 7. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2008/7/fa3.html>
16. Федотов Г.П. Новый град. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952. 377 с.
17. Херсонский Б. Вырванные листы из переписки императрицы Екатерины с философом Вольтером, а также иные исторические стихотворения // Новый мир. 2012. № 6. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2012/6/h4.html
18. Чаадаев П.Я. Философические письма // Россия глазами русского: Чаадаев, Леонтьев, Соловьев. СПб.: Наука, 1991. С. 19-139.
19. Шварц Е. Избранные стихотворения. СПб.: Вита Нова, 2013. 240 с.

Поступила в редакцию 27.03.2018

Зверева Татьяна Вячеславовна, доктор филологических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, Университетская, 1 (корп. 2)
E-mail: tvzver.1968@yandex.ru

T.V. Zvereva

IMPERIAL MYTH: FROM CLASSICISM TO MODERNISM

In the given research a transformation of an imperial myth in the poetry of Russian modernism is considered (Elena Schwarz, Sergey Stratanovsky, Lev Losev, Victor Krivulin, Timur Kibirov, Boris Hersonsky, Elena Fanajlova and others). The appeal to this myth is conditioned by the desire of modern poets to reveal the hidden mechanisms of Russian history and to show that the imperial consciousness continues to determine the ways of Russia. The author considers various aspects of the imperial myth and finds out the connection between postmodernism and the odic topic. The phenomenon of space and the phenomenon of power are in the center of the poetic vision. The theme of the state in the classicist ode was invariably associated with the development of the cosmogonic myth. But the poetry of the late twentieth and early twenty-first century projects it onto eschatology. The transcendent essence of power, affirmed by the

ode, is completely overcome; the corporal code is a leading one. As a consequence, themes such as Eros and Thanatos come to the forefront.

Keywords: classicism, modernism, ode, state myth, imperial formula, irony.

REFERENCES

1. Bykov D. Pobeg v ideal'nye oblasti [Runaway in ideal areas]. Druzhba narodov [Friendship of the people]. 2011. № 8. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2011/8/by3.html>
2. Vavilov A. Stihi [Verses]. URL: <http://www.stihi.ru/avtor/babilon1tutby>
3. Zelencov I. Stihi [Verses]. URL: <http://modernpoetry.ru/contemporary/ivan-zelencov-stihi>
4. Kabysh I. Mama myla ramu [Mum washed a frame]. – M.: Vremya [Time], 2013. – 208 s.
5. Kantorovich EH. Dva tela korolya: Issledovaniya po srednevekovoj politicheskoy teologii [Two bodies of the king: Researches on medieval political theology]. M.: Izd-vo in-ta Gajdara [Publishing house of institute of Gaydar], 2014. 744 s.
6. Kibirov T. Nishchaya nezhnost' [Poor tenderness]. Znamya [Banner]. 2000. № 10. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2000/10/kibir.html>
7. Krivulin V. Stihi yubilejnogo goda [Verses of anniversary year]. M.: OGI, 2001. 80 s. <http://www.vavilon.ru/texts/krivulin4.html>
8. Losev L. Stihotvoreniya iz chetyrekh knig [Poems from four books]. SPb.: Pushkinskij fond [Pushkin fund], 1999. 184 s.
9. Markov A.V. Nostal'giya kak postkolonial'nost': konteksty stihotvoreniya "Zaplachka konservativno nastroennogo lunatika" Eleny Shvarc [Nostalgia as postcolonies: poem contexts "Zaplachka of the conservative-minded sleep-walker" Elena Schwarzs] // Tezisy doklada na VIII Mezhdunarodnoj konferencii «Sovetskij diskurs v sovremennoj kul'ture: postkolonial'nyj aspekt problemy» [Report theses at VIII International conference «The Soviet discourse in modern culture: postcolonial aspect of a problem»] (RGGU, Moskva, 28 maya 2016 g.). URL: <https://syg.ma/@alieksandr-markov/nostalgiia-kak-postkolonialnost-kontiekssty-stikhotvorieniiia-zaplachka-konsiervativno-nastroiennogho-lunatika-ieleny-shvarts>
10. Pumpyanskij L.V. Klassicheskaya tradiciya: Sbranie trudov po istorii russkoj literatury [Classical tradition: Meeting of works on stories of the Russian literature]. M.: Yazyki russkoj kul'tury [Languages of Russian culture], 2000. 864 s.
11. Rusakov G. Stihi [Verses]. URL: http://rusakov.poet-premium.ru/stihi_rsb.html
12. Sedakova O. Proza [Prose]. M.: EHn EHf K'yu / Tu Print. 2001. 960 s.
13. Stratanovskij S. Stihi [Verses]. SPb.: Associaciya «Novaya literatura» [Association "New literature"], 1993. 128 s. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/stratanovskiy1-5.html>
14. Tolstaya T. Kys' [Kys]. M.: Izd-vo AST [Publishing house AST], 2017. 352 s.
15. Fanajlova E. Baltijskij dnevnik [The Baltic diary]. Znamya [Banner]. 2008. № 7. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2008/7/fa3.html>
16. Fedotov G.P. Novyj grad [New hailstones]. – N'yu-Jork: Izd-vo im. Chekhova [Chekhov's publishing house], 1952. 377 s.
17. Hersonskij B. Vyrvannye listy iz perepiski imperatricy Ekateriny s filosofom Vol'terom, a takzhe inye istoricheskie stihotvoreniya [The pulled out sheets from correspondence of empress Ekaterina with philosopher Voltaire, and also other historical poems] // Novyj mir [The new world]. 2012. № 6. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2012/6/h4.html
18. Chaadaev P.Ya. Filosoficheskie pis'ma [Philosophical letters] // Rossiya glazami russkogo: Chaadaev, Leont'ev, Solov'ev [Russia Russian eyes: Чаадаев, Leontiev, Soloviev]. SPb.: Nauka [Science], 1991. S. 19-139.
19. Shvarc E. Izbrannye stihotvoreniya [The selected poems]. SPb.: Vita Nova [New life], 2013. 240 s.

Received 27.03.2018

Zvereva T.V., Doctor of Philology, Professor
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: tvzver.1968@yandex.ru